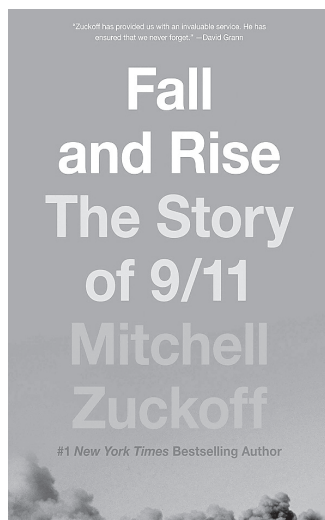

Рецензии

Fall and Rise: The Story of 9/11

MITCHELL ZUCKOFF

New York: Harper Collins, 2020. – 625 p.

Со временем новости становятся историей и делаются неживыми, но сами человеческие воспоминания не умирают. Митчелл Зукофф, преподающий журналистику в Бостонском университете, в очередной раз подтвердил эту истину в своей эпической истории американских терактов 2001 года. Он сделал это с чувством и страстью, что не удивительно для автора, не раз отмеченного в списке бестселлеров «New York Times» и получившего несколько писательских наград¹. В своей последней публикации он опять подтвердил славу журналиста-расследователя, которую принесли ему прежние работы – в частности, книга «13 часов», посвященная выяснению трагических обстоятельств гибели посла

США в ливийском Бенгази в 2012 году. Нынешнее расследование Зукоффа сразу же привлекло к себе общественное внимание: телеканал ABC к годовщине атаки представил кинодокументальную адаптацию этого произведения. Как и положено нарративам, в основе которых страдания и боль, фильм получился болезненным и эмоциональным.

Сам Зукофф говорит, что замысел книги возник у него случайно: в беседах со своими студентами он постоянно убеждался в том, что многие из них, подобно, кстати, его собственным детям, не ощущают почти никакой личной связи с недавней американской бедой. Молодым людям события 2001 года представлялись такими же далекими, как Первая мировая война. Автору книги это казалось ужасающе несправедливым – и он решил создать масштабную реконструкцию, охватывающую все четыре полета «живых бомб», от начала и до конца, раскрывающую физические и психологические контексты, в которых все происходило. Повествование выстроено по строгим правилам жанра *non-fiction*: в нем нет вымышленных событий или персонажей, все упоминаемые факты подкреплены доказательствами и открыты для проверки. Описания же мыслей, эмоций и чувств сопровождаются ссылками на конкретного человека, их пережившего.

На протяжении многих лет нападение 11 сентября остается одним из самых освещаемых событий мировой истории, и поэтому не стоит удивляться, что нарративы тех или иных людей, упомянутых в повествовании, уже воспроизводились в других местах, а некоторым из них даже посвятили

¹ См. книги этого автора, изданные по-русски: Зукофф М. *Затерянные в Шангри-Ла*. М.: Эксмо, 2013; Он же. *Замерзшие: 5 месяцев в снегах Гренландии*. М.: Эксмо, 2017. Кроме того, по его книге «13 часов» был снят американский фильм «13 часов: тайные солдаты Бенгази» (2015). – *Примеч. ред.*

целые книги. Сказанное касается, в частности, и свидетельских показаний Закариаса Муссауи, который признался в причастности к заговору, подготовленному запрещенной в России «Аль-Каидой». Тем не менее основной массив информации, которую использует Зукофф, следует признать новым: автор самолично добывал факты из правительственных документов, отчетов правоохранительных органов, протоколов судебных заседаний, книг и периодики, документальных фильмов, радиопередач и онлайн-работ. Наконец, он провел множество интервью с оставшимися в живых жертвами, семьями и друзьями погибших, свидетелями и очевидцами, чиновниками и учеными. Расследователь признает, что, несмотря на все его усилия, ряд вопросов по-прежнему остается без ответа, а некоторые детали так же расплывчаты, как и раньше. Но подобные лакуны честно выделяются и описываются в тексте книги или в примечаниях к нему. Причем Зукофф подчеркивает, что конспирологические выдумки им не комментировались. «Собранные факты упрямы и убедительны: это правдивая история», – заявляет он.

Любому, кто изучал основы журналистики, известно, что она занята поиском ответов на шесть фундаментальных вопросов: кто, что, где, когда, как и почему? Наиболее трудным остается вопрос «почему», поскольку мотивы человеческого поведения иногда крайне причудливы и поразительны. Зукофф напрямую признается, что не знает, по какой конкретно причине террористы, утверждавшие, что их вдохновляют принципы ислама, решили захватить пассажирские авиалайнеры и поразить ими как управляемыми бомбами гражданские и правительственные объекты на американской земле. Но, воздерживаясь от собственного ответа, он цитирует вышедшую в 2007 году книгу Лоуренса

Райта «Призрачная башня: “Аль-Каида” и путь к 11 сентября»², удостоенную Пулитцеровской премии. В ней предпринята попытка реконструировать мирозерцание сторонников джихада; предложенную версию можно принимать или отвергать, но выглядит она так:

«С точки зрения людей, чье видение было устремлено в VII век, христианство стало не просто соперником, а заклятым врагом. Для них Крестовые походы еще не закончились и должны были привести только к всемирной победе ислама. [...] Бунтарские настроения обычно процветают там, где существует разрыв между растущими ожиданиями и упущенными возможностями. Злоба, обида и унижение гнали молодых арабов искать драматической развязки. Мученичество представлялось альтернативой бесцельной жизни, в которой нет никаких утешений. Героическая смерть дарует грешникам полное прощение, а желание мученичества гарантирует место в раю еще при жизни».

Маховик катастрофы, по Зукоффу, был запущен 23 февраля 1998 года. В тот день одна из арабских газет Лондона получила по факсу фетву, подписанную несколькими мусульманскими деятелями, среди которых были саудовский принц-диссидент, богословы из Египта, Пакистана и Бангладеш, а также бизнесмен и исламский активист Усама бен Ладен. В их совместном заявлении джихад толковался самым воинственным образом, обязывающим каждого мусульманина любыми средствами защищать святые земли Пророка от врагов. Провозглашение глобальной войны оправдывалось тремя основными «преступлениями» американцев: присутствием нечестивых солдат Америки на Аравийском полуострове, войной США с Ираком, а также американской поддержкой Израиля. «Постановляем убивать американцев и их союзников, гражданских и военных, – говорилось

2 См. рус. перев.: Райт Л. *Аль-Каида*. М.: Гелеос, 2010. Приводимый ниже отрывок, а также выдержка из фетвы цитируются именно по этому изданию.

в фетве. – Таков личный долг каждого мусульманина, который может сделать это в любой стране и любым возможным способом».

Автор напоминает, что основатель «Аль-Каиды» был знаком американским спецслужбам задолго до обнародования программного документа: ему приписывали участие в нескольких терактах в различных странах, состоявшихся в середине 1990-х. После «объявления войны Америке» он стал гораздо активнее, организовывал одновременные подрывы американских посольств в Кении и Танзании, в результате которых погибли более двухсот человек. Реагируя на эти нападения, президент Билл Клинтон санкционировал ракетный удар по шести объектам в Афганистане, за что был подвергнут резкой критике в Конгрессе и обществе. Но против самого инициатора этих акций, хотя имя его уже было известно, ничего не предпринималось: лишь в 1999 году ЦРУ официально описало его террористическую группу – с создания «Аль-Каиды» к тому моменту прошло уже одиннадцать лет. Осенью 2000 года организация, воодушевленная таким пренебрежением, ударила снова: небольшая лодка, груженная взрывчаткой, пробила борт эсминца ВМС США, когда судно заправлялось топливом у берегов Йемена, – в результате взрыва погибли семнадцать членов экипажа, а десятки получили ранения.

В книге утверждается, что, даже когда «предупреждающие сигналы превратились в сирены», американские политические лидеры и руководители спецслужб по-прежнему не осознавали, до какой степени бен Ладен полон решимости реализовать свою декларацию и перейти к массовым убийствам в самих Соединенных Штатах. «Упущенные связи, упущенные возможности, упущенные знаки надвигающейся катастрофы», – так Зукофф характеризует реакцию американских властей на деятельность «Аль-Каиды» в конце 1990-х. Соглас-

но его ироничному замечанию, множась свидетельства того, что на территории Америки готовится что-то необычное, так и не смогли перефокусировать внимание американских спецслужб, которых «российские мужчины в плохо пошитых костюмах» с их ржавеющими ядерными боеголовками интересовали куда больше, чем какой-то фанатичный саудовец, эксцентрично наряжающийся и рассылающий фетвы по факсу.

Автор приводит множество примеров, иллюстрирующих «убийственную неспособность» властей США предвидеть готовящуюся террористическую атаку, но я остановлюсь лишь на одном. За несколько месяцев до 11 сентября руководитель аналитического отдела антитеррористического центра американского правительства США утверждал:

«Было бы ошибкой видеть в контртеррористической деятельности борьбу с каким-то “катастрофическим”, “грандиозным” или “сверхъестественным” терроризмом. Фактически эти ярлыки не могут иметь отношения к тому виду террора, с которым, возможно, придется столкнуться Соединенным Штатам».

На самом же деле, говорит Зукофф, совокупность всех приведенных чиновником характеристик была почти идеальным описанием того, что должно было вот-вот произойти.

В то время как официальные службы не желали включать «Аль-Каиду» в число своих приоритетов, среднестатистические американцы вообще не подозревали, что подобная группировка существует. В лексиконе американских журналистов того времени Афганистан, где в ту пору базировался бен Ладен, превратился в нарицательное понятие: так условно называли те места, которые находятся максимально далеко от Америки и ее граждан и заведомо никого не интересуют. Когда же имя будущего «террориста номер один» начало мелькать в прессе, репортеры

концентрировали внимание прежде всего на его богатстве. Даже называя его – вслед за государственным департаментом США – «одним из самых заметных спонсоров исламского экстремизма», СМИ были далеки от предположений, что этот человек способен представлять прямую угрозу для Америки и американцев. Согласно подсчетам Зукоффа, прежде, чем бен Ладен успел объявить войну американскому правительству, его по меньшей мере пятнадцать раз упоминали в «New York Times» – в основном, правда, мимоходом; в других же медиаресурсах о нем вовсе не знали. Громкая фетва 1998 года внимания прессы тоже не удостоилась. Более того, СМИ не просто воздерживались от информирования – они предлагали потребителям искаженную картину, не имевшую ничего общего с реальным положением вещей. Так, рассуждая о поиске подозреваемых, взорвавших американские посольства в Кении и Танзании и вспоминая попутно, что бен Ладен уже был главным подозреваемым в аналогичном деянии за пару лет до того, когда в Саудовской Аравии был взорван жилой комплекс, в котором жили американские летчики, та же «New York Times» подводила читателя к умиротворяющему выводу: в глобальном масштабе, писали ее журналисты, этот человек вовсе не так влиятелен, как утверждают некоторые официальные лица.

Впрочем, были и «вопиющие в пустыне», видевшие реальность в более мрачном свете. За три года до 11 сентября репортер «Washington Post» Уолтер Пинкус написал статью, в которой цитировался некий меморандум ЦРУ: из документа следовало, что некоторые сотрудники этой спецслужбы восприняли угрозу, изложенную в фетве бен Ладена, вполне серьезно. Из их усилий, однако, ничего не получилось. Еще одним неуслышанным пророком стал Джон Миллер из «ABC News», который в мае 1998-го брал интервью у бен Ладена в афганском тренировочном лагере. Позже журналист

сокрушался по поводу того, что на эту видеозапись не обратили почти никакого внимания: мол, «еще один араб-террорист», не более. Если же говорить о научном мире, то здесь самым пронизательным оказался Бернард Льюис – известный, хотя и противоречивый ветеран-арабист. Именно он, изучая на протяжении десятилетий сложный диалог между исламом и Западом, придумал фразу «столкновение цивилизаций», позже широко растиражированную. В 1998 году Льюис писал в журнале «Foreign Affairs»:

«Большинству американцев заявление [бен Ладена] представляется фарсом, грубо искажающим цели и характер американского военного присутствия на Аравийском полуострове. Им также следует знать, что в глазах многих мусульман – а возможно, даже большинства – эта декларация предстает столь же гротескной пародией на природу ислама и его доктрину джихада. [...] Базовые мусульманские тексты ни в коем случае не предписывают терроризма и убийств, в них нет рекомендации без разбора взрывать и резать случайно попавших под руку людей. Но тем не менее некоторые мусульмане все же готовы поддержать, – а иные и применить на практике – крайнее толкование их религии, представленное в декларации. Между тем для развертывания террора достаточно лишь горстки людей».

Нет нужды говорить, что предупреждение Льюиса тоже не было услышано.

В 2001 год, пишет Зукофф, Америка вступила в состоянии безмятежной расслабленности. США демонстрировали крайнюю самоуверенность, а сами американцы воспринимали привилегированное положение своей сверхдержавы как нечто должное и гарантированное на века. Они пережили самый продолжительный экономический бум в истории страны, а утверждение американских культурных и политических идей на всей планете после «холодной войны» шло невиданными ранее темпами.

Никто из американцев не лишился сна из-за угроз, исходящих из мрачной пещеры в каком-то Афганистане. Опрос службы Гэл-лапа, проведенный 10 сентября 2001 года, показал, что менее 1% американцев считают терроризм главной проблемой страны. Того, что произошло на следующий день, Америка даже представить себе не могла.

Рецензируемая книга состоит из двух частей. Первая часть («Падение») сама в свою очередь разделяется надвое: на драму в воздухе (захваченные авиалайнеры) и драму на земле (Всемирный торговый центр и Пентагон). Во второй части («Подъем») речь идет о том, что последовало после: здесь представлены персональные истории тех, кто выжил. Стоит отметить, что книга, которая внешне поражает своей внушительностью – все-таки более шестисот страниц, – лишь наполовину состоит из того, что можно назвать чистым повествованием: около трехсот страниц в ней занимают карты, ссылки, примечания и прочий справочный материал. Возможно, такая научная основательность полезна для специалистов, посвятивших 11 сентября 2001 года свои диссертации, но остальных читателей, как я предполагаю, это будет раздражать. Содержательный массив книги заполнен рассказами людей об одном и том же памятном дне. Все истории похожи, в них запечатлены эмоции, образы, воспоминания – и, разумеется, беспредельная скорбь живых о тех близких, кто, попрощавшись утром, так и не вернулся домой. Но, к моему сожалению, подробно и обстоятельно рассказав о трагедии, автор не сделал из нее напрашивающихся выводов.

В принципе, книга Зукоффа исподволь подводит читателя к заключению, что «конфликт цивилизаций» – а именно с его проявлением мы имели дело 11 сентября – как будто бы завершился победой христианской Америки. Однако картина, создаваемая подобной оптикой, превратна, о чем свидетельствуют события в Ираке и Афга-

нистане за двадцатилетие, прошедшее после американских терактов. Я не знаю, как Митчелл Зукофф воспринял прощание США с Афганистаном – несмотря на то, что он человек, активно пишущий, найти его отклики на этот позорный исход мне не удалось, – но скорее всего он испытал потрясение. (Кстати, аналогичная немота постигла Зукоффа и после провала в Ираке, хотя перед началом вторжения он публиковал статьи и комментарии, обосновывавшие необходимость свержения Садда Хусейна.) Рассуждая в своей книге об атаке на Америку, автор говорит, в сущности, о том, что она была спровоцирована столкновением непримиримых ценностных кредо. Но сегодня первые лица государства признают, что у американцев отсутствуют необходимые компетенции, которые позволили бы создать в Афганистане демократическое общество. Иными словами, для предотвращения трагедий, подобных 11 сентября, нужен ценностный переворот, который, увы, так и не состоялся. А что это означает? Как представляется, проговаривать мою мысль до конца нет необходимости – все очевидно.

В своей книге Зукофф сосредотачивается на жертвах, но очень мало говорит об убийцах. Между тем невозможно объективно рассказать об 11 сентября, отодвинув их в сторону. Сегодня нам известно, что многие будущие джихадисты получили образование в Западной Европе и в Соединенных Штатах. Почему это столь слабо влияет на их мировоззренческие установки, а знания, полученные за рубежом, нередко используются против той цивилизации, которая ими так щедро делится? Об этом, безусловно, стоило бы подумать, но Зукофф этого не делает. Поглощенный вопросом «как», он почти не касается куда более серьезного вопроса «почему». Американский журналист называет свою работу памятником всем, кто погиб 11 сентября 2001 года, причем, как мне кажется, эта

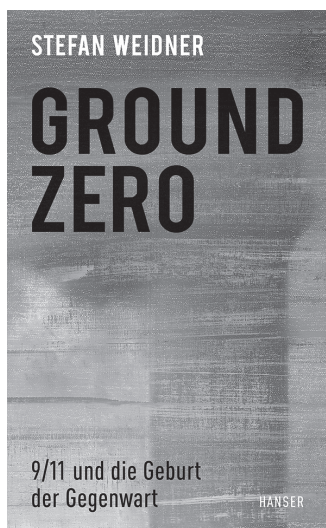
задача по созданию еще одного алтаря успешно выполнена. Но Зукофф явно не справился с другим делом: из книги не понятно, смогут ли стороны, кроваво столкнувшиеся двадцать лет назад, найти взаимопонимание в будущем, и если да, то на какой ценностной основе? Пока же у нас есть очередное красочное описание мировоззренческого, по сути, конфликта. Но вот четких и направляющих выводов из произошедшего как не было, так и нет.

РЕЗА АНГЕЛОВ

Ground Zero: 9/11 und die Geburt der Gegenwart

STEFAN WEIDNER

München: Der Carl Hanser Verlag, 2021. – 256 S.

«Точкой невозврата» принято называть такие события, после которых существовавший прежде порядок вещей, рассыпавшись в прах, оказывается невозможным. Немецкий специалист по исламу и исламской литературе, переводчик с арабского

и литературный критик Штефан Вейднер относит именно к таким событиям террористическую атаку на США, произошедшую 11 сентября 2001 года и безальтернативно предопределившую самочувствие всего мира, целых регионов и отдельных стран на десятилетия вперед. В своей новой книге «*Ground Zero: 9/11 и рождение настоящего*», вышедшей в Германии в начале 2021 года, он излагает свою трактовку того, каким образом комбинация двух факторов – постколониальной политики ведущих стран Запада, приведшей к зловещей вылазке «Аль-Каиды»³, и последующей реакции того же Запада на это (вполне ожидаемое) террористическое нападение – наметила магистральный вектор, которому уже два десятилетия подчинено политическое, социальное, экономическое и культурное развитие современной цивилизации. По словам Вейднера, «теракт 11 сентября 2001 года – родовая травма XXI столетия, по сей день формирующая наше восприятие мира» (S. 10).

Разумеется, в книге едва ли не на каждой странице затрагиваются различные аспекты соприкосновения цивилизаций, или, говоря точнее, комплексного целого, состоящего из Ближнего Востока, Северной Африки, частично Центральной Азии, с консолидированным Западным миром. Надо сказать, что сам автор не одобряет термин «Запад» и любые его производные, усматривая в них негативные коннотации, но, поскольку столь же емкого, но более невинного обобщающего понятия в арсенале общественных наук пока нет, он, смирившись, все-таки им пользуется. Вейднер старается, насколько возможно, преодолеть европоцентризм: вынужденно солидаризуясь с теоретиками «столкновения цивилизаций» в том, что восточные политические сообщества никогда не будут походить на западные, он, однако, тут же

3 Упоминаемые в рецензии «Аль-Каида» и «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) запрещены в Российской Федерации.

демонстрирует свою неудовлетворенность «парадигмой Хантингтона». По мнению Вейднера, неспособность (или нежелание) усвоить и продвигать «европейское» отнюдь не является фатальной преградой, не позволяющей развивать «свободный», «открытый», «демократический» мир, а ислам вполне уживается с правовым государством (S. 16, 77).

Первая часть книги посвящена анализу постколониализма, несущего, по мысли автора, основную ответственность за то, что неприятие Запада во всех его проявлениях за несколько десятилетий превратилось в ключевой элемент повестки «глобального Юга». С первых дней деколонизации американцы, англичане и французы неустанно и грубо вмешивались во внутреннюю жизнь азиатских и африканских государств. Вейднер напоминает о таких фундаментальных вехах, как свержение в 1953 году иранского правительства Мохаммеда Моссадыка, оплаченное американскими и британскими деньгами; Суэцкий кризис 1956 года, обусловленный категорическим нежеланием британцев и французов признать египетскую революцию «молодых офицеров»; послевоенное присвоение американцами значительной доли аравийской нефти, подорвавшее легитимность правительства Саудитов и, в конечном счете, дестабилизировавшее весь арабский мир. При этом неокOLONIALИзм, подобно самому колониализму, имел кумулятивный эффект: чаша ненависти унижаемых и угнетаемых наполнялась постепенно и долго.

Первые признаки того, что терпение исламской периферии начинает иссякать, появились в последней четверти XX столетия. Рубеж 1970–1980-х был отмечен исламской революцией в Иране, убийством президента Анвара ас-Садата в Египте, советской интервенцией и гражданской войной в Афганистане, крупной террористической вылазкой в Мекке. Поскольку некоторые из

этих событий были напрямую связаны с личностью Усамы бен Ладена, Вейднер попутно предлагает читателю набросок духовной эволюции этого персонажа, показывая, какие жизненные обстоятельства способствовали складыванию радикальных убеждений будущего «террориста номер один». Одновременно Вейднер останавливается на соображениях о будущем западной цивилизации, бытовавших в публичной сфере США и Европы, отмечая, что в 1990-е, после «победного», как считали некоторые, завершения «холодной войны», они сделались вопиюще нереалистичными. Таким был общественный климат, в котором вызревали предпосылки трагедии 11 сентября 2001-го. Причем, обвиняя Соединенные Штаты в том, что они сами, сознательно или неосознанно, провоцировали будущих террористов, автор обращает особое внимание на разноречивую работу американских спецслужб, которые ожидали нападения, но не сумели предотвратить его. Опираясь на детали сотрудничества ЦРУ и ФБР с саудовскими партнерами, он приходит к заключению, что американские власти «частично виноваты» в случившемся, хотя они и не были причастны к терактам напрямую (S. 79).

События 11 сентября, пишет Вейднер, не только не положили конец американской экспансии, но, напротив, способствовали ее активизации. В начале XXI века этот тренд воплотился в продвижении неолиберальной политико-экономической модели, вернувшейся на политическую авансцену в президентство Джорджа Буша-младшего. Его приближенным атака на башни-близнецы показалась прекрасным поводом для того, чтобы развернуть страстно чаемую и давно обсуждаемую внешнеполитическую линию; это совпадение потом выглядело настолько удивительным, что теории заговора росли из него как грибы после дождя.

«Поскольку после 11 сентября противодействию [отстаиваемой американцами] глобализации стало более затруднительным или даже вообще невозможным из-за антитеррористических мер и патриотического подъема, администрация Буша решила воспользоваться предоставившимся шансом: она попыталась укрепить неолиберализм и утвердить свободную торговлю, желая сделать их необратимыми» (S. 87).

Попутно автор высказывает не слишком убедительное, как представляется, предположение, согласно которому победа на президентских выборах 2000 года не Джорджа Буша, а Альберта Гора смогла бы существенно скорректировать американскую внешнюю политику. В качестве аргументов, призванных поддержать этот тезис, приводятся послевыборные обличительные филиппики проигравшего в адрес победителя, а также написанная Гором книга «Земля на чаше весов», проникнутая заботой об окружающей среде⁴. Однако горькие укоры тех, кто пережил электоральное фиаско, стоило бы считать скорее естественной реакцией уязвленной стороны на случившуюся неприятность, нежели декларацией реальных убеждений. Кроме того, в ряду добродетелей политиков, включая американских, наличие честности едва ли может считаться правилом. Не исключено, впрочем, что Гор действительно оказался бы предпочтительнее Буша – просто у меня, в отличие от автора рецензируемой книги, уверенности в этом гораздо меньше.

Анализируя мировидение, которое продемонстрировала республиканская администрация, Вейднер обращается к знаменитой концепции «друг–враг», которую в свое время выдвинул Карл Шмитт. Экстраординарная живучесть этого построения, по словам автора, оборачивается тем, что даже в XXI столетии оно остается востребованным: ди-

хотомией продолжают пользоваться самые разнообразные политические силы, которые в собственных интересах сталкивают одни социальные группы с другими. Сквозь призму этой концепции воспринимают мир столь непохожие политические лагеря, как неолибералы, исламисты, ультраправые. Но наиболее знаменательным автор считает то обстоятельство, что противопоставление «друг–враг» широко востребовано и в среде демократических правительств и партий. Причем некоторым из них оно служит чем-то вроде аппарата искусственного дыхания, поскольку при исчезновении привычного разлома подобные демократы «теряют свою идентичность, свою повестку дня, оправдание своей политики» (S. 139). Именно таким был случай администрации Буша-младшего, которая после 11 сентября объявила о «войне с террором», разворачиваемой под лозунгом «Кто не за нас, тот против нас».

«Спустя всего двенадцать лет после падения Берлинской стены мир вновь поделили на “друзей” и “врагов”. Но на этот раз критерием служило не отношение к экономической системе, капитализму или коммунизму, а согласие или несогласие с политикой Джорджа Буша» (S. 77).

Мир, искусственно расколотый на «своих» и «чужих», добропорядочных обывателей и злонамеренных террористов, мусульман и «неверных», белых и черных, генерировал страх и недоверие. Дело усугублялось еще и тем фактором, который в книге именуется «авторитарным неолиберализмом» и под которым имеется в виду жесткая полицейско-военная система, восторжествовавшая во времена Буша-младшего в обеспечении национальной безопасности США и включавшая в себя принятие соответствующего законодательства, внедрение тотальной слежки за гражд-

⁴ См. фрагмент этой работы, опубликованный по-русски: ГОР А. *Земля на чаше весов. В поисках новой общей цели // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.*

данами и ущербные трактовки прав человека. Идеология радикального размежевания внушала представление о неизменности мира, его раз и навсегда зафиксированной статичности. Соответственно, именно посрамленная вера в то, что мир можно хоть как-то изменить, полагает Вейднер, стала главной причиной повсеместного появления в первые десятилетия XXI века радикальных движений правого и левого толка. Общим знаменателем для радикалов любых оттенков оказалась критика глобализации и модернизации: если в арабском мире она вылилась в подъем исламизма, то в Европе и США ее порождениями стали популистские, националистические и расистские движения.

Совокупным итогом всех этих процессов сделалась всеобщая смута, проявившая себя в арабских революциях, так и не принесших ожидаемых плодов, но зато увенчанных кровопролитными гражданскими войнами, последующем терроре «Исламского государства» и так называемом «белом» терроризме правых экстремистов. Значимым следствием такого положения вещей автор считает то, что решительные меры по защите окружающей среды, в которых объективно заинтересован каждый житель Земли, были отсрочены до 2018 года, когда впервые заявили о себе общественные группы, настаивающие на противодействии приближению климатического коллапса. Вейднер с сожалением говорит о потерянном времени, которое при ином раскладе можно было бы использовать на пользу планете:

«Война с террором» и ее последствия слишком долго снимали с повестки дня другие важные вопросы. Лишь поколение тех, кому не пришлось пережить 11 сентября в сознательном возрасте – например, мои дети, родившиеся в конце 1990-х, – смогло заявить о более насущных темах защиты окружающей среды и предотвращения климатических изменений, развернув движение «Fridays-for-Future»» (S. 11).

Помимо грехов, упомянутых выше, в вину неолиберальной политике в книге ставится «закат Запада», который продолжается уже несколько десятилетий – не вызывая, впрочем, у автора особого сожаления. Причем «решающий поворот, положивший конец “Западу”, каким мы знали его в 1990-е, и позволивший посмертно реализовать антиамериканские фантазии бен Ладена, состоялся вовсе не 11 сентября 2001-го, а 12 декабря 2000-го» – в день, когда неолибералы выиграли президентские выборы в Америке (S. 70). Именно тогда могучий бронепоезд под названием «США» встал на рельсы войны, которую, по убеждению автора, невозможно было выиграть.

Поддерживая мнение о том, что подъем ИГИЛ был обусловлен в первую очередь политикой американцев в отношении Ирака, Вейднер не останавливается на этой констатации: он подчеркивает сущностное сходство между религиозным прозелитизмом исламистов и философским прогрессизмом европейцев (а также их наследников-американцев). Обе традиции коренятся в религиозно-культурном мессианстве и представлении об «особой цивилизаторской миссии», в свое время воодушевлявших как мусульман, так и христиан. Как раз это, по мнению автора, оправдывает параллели, зачастую ускользающие от внимания исследователей:

«Фактически сторонники “Исламского государства” хотели основать своего рода “тысячелетний рейх”. Их суровая идеология и жестокая практика напоминают и о других политических движениях хилиастического толка, которые, подобно национал-социализму, тоже вписывали себя в историю вселенского искупительного подвига» (S. 190).

Другими интеллектуальными предшественниками радикального ислама в книге объявляются революционеры-якобинцы эпохи Великой французской революции:

«Нравится нам это или нет, но история политического террора ИГИЛ не только интеллектуально, но и практически началась в самом сердце “Запада” – в Париже» (S. 192).

Это, приходится признать, весьма сильное заявление. Действительно, революционные события конца XVIII века во Франции во многом определяют тонус нынешних политических и идеологических дебатов, но, помимо нормализации террора в качестве политического инструмента, в парижских катаклизмах зародились и многие другие примечательные вещи – в частности, Декларация прав человека и гражданина, положившая начало правозащитному этосу, очень важному для современной цивилизации. Даже тому читателю, которому идея определенной преемственности между Максимилианом Робеспьером и Абу Бакром аль-Багдади покажется симпатичной, придется согласиться с тем, что в упомянутой сфере говорить о каком-либо идейном родстве затруднительно. Все-таки пиетет перед правами человека никогда не был сильной стороной мусульманской цивилизации: до середины прошлого столетия на Востоке даже тема такая не поднималась, а если подобное и происходило, то исключительно в рамках попыток светских арабских националистов добиться независимости, опираясь на образцы «гуманных и просвещенных наций Запада»⁵.

С точки зрения Вейднера, «эпоха 11 сентября» закончилась в 2020 году, когда мир оказался в тисках коронавирусной эпидемии. Автор не без грустной иронии отмеча-

ет, что те, кому в тот момент была доверена власть, не приложили адекватных усилий, которые могли бы остановить распространение инфекции: им это было просто-напросто невыгодно. «Симуляция нормальности», которую господствующие элиты практиковали до коронавируса, теснейшим образом связана с их стремлением законсервировать порядок социально-экономической несправедливости. Эпидемия вынудила человечество признать, что паролод, на котором мы плыли, на самом деле дал течь довольно давно, но глобальная элита, тонувшая вместе со всеми, решительно не желала ничего менять. Ее вполне устраивало, что «террор и война против него открыли путь в неофеодалное мировое устройство, которой формируется различиями, иерархиями, неравенством» (S. 198). Вирус же смог сделать то, чего прежде не удавалось сонму альтернативных и оппозиционных течений и движений: он запустил процесс переосмысления самих основ глобального миропорядка, и обратного пути скорее всего уже не будет⁶. Закончить же этот краткий обзор хочется выразительной цитатой из авторского введения к книге:

«Когда мы осознаём, что попали в трудную ситуацию, которая отнюдь не была неизбежной, у нас появятся желание и сила, позволяющие изменить ход событий. Цель этой книги – убедить ее читателей в том, что у нас есть выбор и что пришло время взять на себя ответственность за формирование будущего» (S. 12).

МАРГАРИТА ШАКИРОВА

5 Рыбаков Р.Б. и др. *История Востока: В 6 т. Т. 5: «Восток в новейшее время: 1914–1945 гг.»*. М.: Институт востоковедения РАН; Восточная литература, 1996. С. 132.

6 Подробнее об этом см. эссе Штефана Вейднера «Вирус и террор: о невысказанных и пугающих сходствах между коронавирусом кризисом и “войной с террором”» (Неприкосновенный запас. 2021. № 2(136). С. 166–194).